

МОБИЛИЗАЦИЯ

ИЛИ СМЕРТЬ

Окончание. Начало — на стр. 1

ПОЙТИ НА НЕГО по собственной воле не могло никакое государство, и мировое сообщество немедленно объявило бы такую закрытость "диктатурой", подвергло остракизму, а то и военному вторжению. Сегодня же, в той или иной степени, закрытость уже произошла во всех странах, включая США и страны Евросоюза, то есть весь мир оказался в условиях Чрезвычайного Положения (Erfstfall).

Ещё вчера представить подобное было невозможно. А сегодня это — свершившийся факт.

Переход к закрытому обществу состоялся. Конечно, сегодня у правителей и населения еще жива и преобладает иллюзия, что после победы над пандемией всё вернется на свои места, и мир снова станет открытым или, по крайней мере, двинется в этом направлении, но всё прочее звучат голоса тех, кто начинает понимать: этого не произойдет, с глобализмом покончено, и отныне именно закрытость будет главным законом политической и социальной организации. А вот примеров и образов тому — по крайней мере, в настоящем — нет. Вместе с глобализмом рушится та модель миропорядка, которая стала после падения СССР единственной и базальтернативной. Следовательно, никакой надежной модели, которую можно было бы взять за образец, сейчас нет. Мы знаем, что на место "открытого общества" приходит "закрытое общество", но "что это такое", "каким это общество будет", "что означает подобная закрытость" и "к чему она приведет, во что выльется", наверняка ответить не может никто. Именно это делает нынешнюю ситуацию столь критической, катастрофичной и вместе с тем — увлекательной. Будущее человечества снова на мгновение становится свободным — появляется простор для воображения, созидания и борьбы, чего, по сути, не было с момента объявления глобалистами "конца истории".

УРОВНИ ЗАКРЫТОСТИ

Закрытость, которая автоматически сменяет собой глобализм, имеет несколько уровней. Если до этого было открыто более или менее всё: границы, рынки, сети, города, территории, пути передвижения и гражданские свободы, — то вполне логично, что инстинктивная — пандемическая — закрытость будет столь же тотальной. Так как глобализация свернута не по собственной воле, на чём настаивали сторонники многополярного мира или такие националисты, как Трамп, или европейские правые популисты и евроскептики, то никто не подготовил политико-экономическую, социальную и правовую базу для такого сдвига. Час Панголина застал мировое сообщество врасплох, и в процесса закрытия нет никакого чёткого сценария — каждый закрывается как может.

Сейчас можно выделить следующие уровни закрытости, уже явственно обозначенные на практике, а в теории приобретающие всё более и более отчётливые черты:

- закрыты границы национальных государств: для товаров, транспорта, перемещения лиц и в скором времени для осуществления транзакций, то есть все государства принудительно ввели принцип тотального и абсолютного суверенитета (полный крах либеральной модели наднациональных институтов — в том числе Евросоюза, а также ООН, ВТО и т.д.);

- закрыты некоторые города и области от остальных территорий национальных государств, что ставит барьеры для транспорта, а также перемещения товаров и услуг (кроме военных, врачей и продуктов первой необходимости) уже внутри государств;

- карантин, режим самоизоляции и Чрезвычайное Положение привели к закрытию отдельных граждан, домохозяйств и семей в своих квартирах и домах с запретом покидать их (за исключением крайней необходимости).

ЭТИ ТРИ УРОВНЯ ЗАКРЫТОСТИ немедленно формируют новую типологию власти, резко смещающуюся от общего к частному, от глобального к локальному.

Во-первых, парализуются и фактически упраздняются глобальные институты, чьи решения не могут быть ни выполнены, ни даже учтены в условиях отчаянного выживания закрытых обществ. Если такая ситуация продлится ещё хотя бы некоторое время, мировая экономика, финансовая система, глобальный рынок и всевластные экономические элиты исчезнут. После того, как глобальные институты не смогли справиться с коронавирусом на первом этапе, предоставив это национальным государствам и не выработав никакой общей стратегии, их престиж стремительно и безвозвратно рухнул.

Но и национальные правительства, на которых — даже против их воли — свалилась суверенная власть, оказались ограниченными в своих действиях. По сути, они должны ввести Чрезвычайное Положение (как это произошло в нескольких странах) и установить режим диктатуры, взяв на себя всю полноту ответственности.

Дмитрий

АЯЦКОВ

ВОПЛОТИМ МЕЧТУ!

От Изборского клуба — к Изборскому движению

ПОЙМАЛ СЕБЯ НА МЫСЛИ, что размышлять нужно — может, впервые в моей жизни и в политической карьере — не о причинах произошедшего и путях его преодоления, а о рождении и формировании чего-то совсем незнакомого, неизведанного, на моём жизненном пути не встречавшегося. Причём нарастает ощущение, что событие, "взорвавшее" стабильность в мире и заставившее вмиг закрыть границы между странами, регионами и семьями, по своей значимости ничтожно перед грядущим переустройством жизни, является "мажорировочной сеткой" над назревшими грандиозными трансформациями.

Моё стремление объяснить всё и вся рациональными и логичными факторами, безусловно, не было уж совсем "абсолютным": жизнь преподнесла столько сюрпризов и загадок, что оставалось только верить в существование некоей всемогущей силы и мирового разума! Но смею заявить: переживаемый человеческими общностями, государствами, моей семьёй "миг истории" мною прогнозировался, просчитывался и проговаривался. И мой прогноз-диагноз сводился, в общем-то, к одному: ни природа, ни абсолютный разум-сила не могут безропотно покориться агрессивной деятельности "субъекта истории", начисто забывшего, что он — всего лишь богоподобное существо, а не сам "абсолютный дух". Нарушение всех мыслимых и немислимых правил и законов, балансов и равновесий, вызывающее пренебрежение и тотальное игнорирование исторического опыта многих поколений, забвение общечеловеческих ценностей и национальных традиций должно было рано или поздно возвать к компенсации и реваншу здравого смысла, справедливого миропорядка и жизнеутверждающего мировоззрения.

Не мог предположить, что поводом к всеобщему отрезвлению, стимулирующему столь же всеобщее прозрение и возвращение здравого рассудка, станет вещь, в общем-то, прозрачная и легко прогнозируемая: вирус, мутирующий с завидным постоянством и периодичностью, даже в его современном состоянии не самый разрушительный, — неожиданный "поставил на дыбы" и Новый, и Старый Свет. Для меня очевидно: дело — не в самом коронавирусе, а в отношении к нему как предзнаменованию и предупреждению о надвигающейся более страшной беде, о достижении всем сообществом порога терпимости, после которого — либо очищение, либо опустошение. Дело совсем не в результатках тотальной глобализации, хотя и на символической чаше весов урон, нанесённый человечеству этим, казался бы, закономерным до неизбежности и фатальности процессом, явно перевесил ту чашу, на которой была водружена практическая полезность и идеологическая состоятельность "глобального объединения мира". Дело в том, что абстрактный человек утратил свою богоподобную сущность, да

Но явно почти никто из мировых лидеров не готов к исполнению таких диктаторских функций, так как власть в условиях глобализации была минимизированной, демократически ограниченной и сводилась к менеджменту, ответственность за который была распределена между несколькими институтами — и в частности, переносилась во многом на само гражданское общество. "Подвешивание" демократии и установление диктатуры требует совсем иных качеств, которых явно не хватает даже у тех, кого в благополучных условиях глобализма полемически называли "диктаторами".

Но закрытие стран без установления диктатуры будет означать дальнейшее обрушение полномочий глав этих стран и передачу этих полномочий на более низкий уровень.

Таким образом, резкое усиление суверенитета без готовности к введению сильной и жесткой диктатуры не решает задачу — тем более, что вся политическая элита обучалась прямо противоположному: не концентрации власти и действиям в чрезвычайных обстоятельствах, а, напротив, демократизации и усилению роли гражданского общества. К полноценной диктатуре закрывшиеся помимо своей воли национальные государства морально не готовы.

Это значит, что центр тяжести спускается ещё ниже — на уровень министерств и ведомств, прямо уполномоченных противостоять пандемии, и региональных властей. Медики, полиция и военные, а также губернаторы и мэры по факту отвечают за ситуацию, и

Александр

ДУГИН

ЧАС ПАНГОЛИНА

Диалектика закрытости

Если диктатура не вводится на национальном уровне, то она смещается на локальный. И здесь перед лицом гибнущего и доведенного до отчаяния населения (и с точки зрения санитарии и здоровья, и с точки зрения психологии, и — что, может быть, важнее всего — с точки зрения экономики) именно локальные власти и отдельные ведомства вынуждены становиться в позицию авторитарной власти, отвечающей за всё, в том числе — и за применение насилия. Так создаются предпосылки для территориального и институционального дробления существующих государств с возникновением региональных диктатур. Поскольку рушится весь миропорядок, нельзя быть уверенным, что временное и вынужденное наделение чрезвычайными полномочиями не перерастёт в нечто более устойчивое и необратимое. Так закрытость вполне может фрагментировать и пространство национальных государств.

И, наконец, закрытость в собственных домах в режиме изоляции создаёт совершенно новые условия для восстановления семейных иерархий. В условиях глобализации за последние десятилетия активно развивались тенденции гендерного равенства, планомерно разрушала институт семьи, центр тяжести перемещался в социальные связи и сети, основанные на индивидуальном принципе. В чрезвычайной ситуации в замкнутом пространстве вся эта структура с необходимостью подвергается перегрузке. Отсюда неизбежный резкий всплеск домашнего насилия, микродрам, установление диктатуры главы семьи (не обязательно мужчины) или стремительной десоциализации и своего рода "одичания" одиноких людей, столкнувшихся в период изоляции со своей "заброшенностью", от которой более невозможно отвлечься.

Более того, закрытость отдельных людей и семей заставляет их искать новые ориентиры и новые стратегии выживания. Столкновение с приотставкой их гражданских прав и свобод переживается как психологическая, социальная и политическая катастрофа — тем более, когда никакой подготовки к диктатуре не было, и, более того, в условиях карантина и изоляции полной ответственности за население власти нести не собираются. Это порождает предпосылки социального взрыва и полную делегитимацию действия властей любого уровня: от глобальных до национальных и региональных.

"Час Панголина" ведёт к глобальному перестроению гражданского сознания.

ВОЕННАЯ ДИКТАТУРА И ЧУМНЫЕ СОВЕТЫ

То, что сейчас осуществляется переход от открытого общества к закрытому, — факт. Но такое фактом является то, что за исключением Китая (и то — это лишь допущение) никто не имеет внятной картины того, каким будет новое закрытое общество. Пока в элитах преобладает надежда, что закрытость есть инстинктивная и временная мера, а после победы над коронавирусом ситуация, пусть и с трудом, но вернётся к тем параметрам, которые существовали до начала эпидемии. "Час Панголина" считают лишь кратковременным моментом, который принесёт и ещё принесёт множество катастрофических последствий, но в скором времени закончится, и всё вернется на свои места.

Иными словами, элиты: ни глобальные, ни национальные, ни региональные, ни даже главы семей, — пока не воспринимают закрытость как фундаментальное условие социально-политического и экономического будущего. Следовательно, закрытость интерпретируется ими как нечто переходящее и не требующее концептуализации.

"Пусть всё идёт само собой какое-то время, а потом мы постараемся вернуться к нормальной жизни".

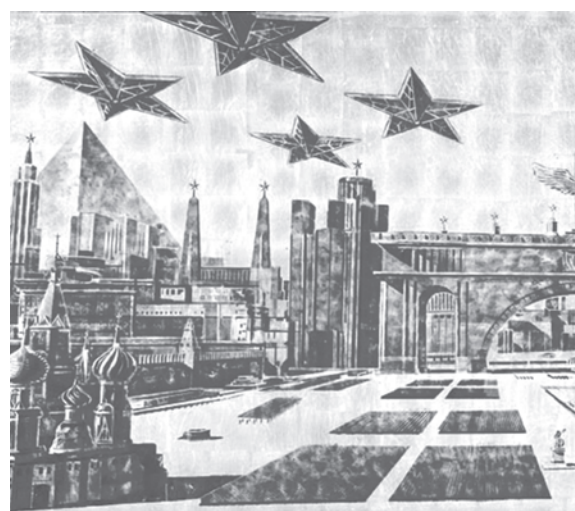
Такое отношение вполне понятно и объяснимо, но оно не отменяет логики закрытости. Просто по мере того, как элиты будут уклоняться от ответа на вызов "Часа Панголина", а фактическая закрытость будет продолжаться вместе с эпидемией, спонтанно будут складываться те, кто примет это вызов вместо правящих элит и включится в организацию закрытости. Это будет типичным явлением "контрагрит" по В. Парето.

Уже сейчас можно предположить, какими окажутся их чертания.

На национальном уровне естественное всего выступить на первый план силовикам и особенно армии. Параллельно центральной власти (неготовности к диктатуре) и самоуправство региональных властей, которые либо будут сметены восставшими гражданами, либо, в противном случае, установят режим регионального полновластия, породит политико-социальный и экономический, а также санитарно-эпидемиологический коллапс. Единственной силой, которая могла бы эффективно выступить в условиях Чрезвычайного Положения, окажется армия. Военные при этом могут списать прежние ошибки на отстранённые ими правящие элиты. Если такая военная диктатура может начаться с чисто технических функций, то в какой-то момент ей придется сформулировать идеологию закрытости на основании тех ценностей и традиций, которые преобладают в данном конкретном обществе и более или менее удовлетворяют запросам населения. Нынешние

Алексей

БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ

«Космопарад». Художник Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ

элиты, ожидающие лишь того, "когда всё закончится", в этом направлении даже не будут думать, а военные, которым не составит труда их снять, вынуждены будут идеологически обосновать свою диктатуру.

С другой стороны, на вызов закрытости могут и в какой-то момент вынуждены будут откликнуться сами граждане, поставленные пандемией в экстремальные условия выживания. В таких условиях индивидуализм будет несовместим с жизнью, и возникнет острая нужда в определённых формах консолидации и самоорганизации. Это может произойти, например, как протест против неэффективности существующих национальных или региональных элит, а при определенных обстоятельствах — как спонтанное противодействие установленной "военно-медицинской" диктатуре. Но и в этом случае для самоорганизации потребуется некоторая идеология, которая обоснует стратегию на период "Часа Панголина" — стратегию борьбы с вирусом, принципы взаимодействия на уровне локальных поселений и общин вплоть до создания стихийных выборных органов прямой демократии — своего рода "Чумных советов" или "общин Панголина". Если власть не ответит на закрытость и не сформирует внятного концептуального идеологического проекта, это приведёт к делению населения в спонтанном режиме. Очевидно, что и здесь, как и в случае военной диктатуры, постепенно сложится своего рода "идеология", также связанная с культурой и обычаями конкретного народа или даже отдельного поселения.

Вывод, который напрашивается из этого анализа прост: — либо власть концептуализирует новые условия постглобальной закрытости и сформулирует на основе этих концепций новую идеологию и новую стратегию, — либо это произойдёт вопреки власти и со стороны новых политико-социальных акторов, которые вынуждены будут компенсировать растерянность и бездействие элит спонтанными действиями и формами организации.

Поскольку современные элиты — и это касается практически всех обществ (снова, за возможным исключением Китая) — так или иначе, сформировались в контексте либерального глобализма и впитали аксиомы и догмы открытого общества, то они совершенно не готовы для первого сценария. Следовательно, наиболее вероятным следует считать второй.

"Час Панголина" пробил. Чем скорее это признают те, кто способен принимать решения и действовать в чрезвычайной ситуации, тем лучше.

Сергей

ЧЕРНЯХОВСКИЙ

ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА

Нужно преобразование России и мира

ВЫЗОВ коронавирусной пандемии, при всей своей трагичности, — совсем не главное, что требует от России мобилизации. Точнее — он тоже её требует и демонстрирует, что крупные вызовы и угрозы способна нивелировать только система, способная к мобилизации: просто потому, что на вызовы, выходящие за рамки повседневности, можно отвечать, только выходя за рамки повседневности.

Но требование перехода к мобилизационному развитию для России вызвано, в первую очередь не этим, а тем общим состоянием, в котором она находится. Разрушение страны в результате перестройки и внедрения механизмов рынка привело к общему колоссальному отставанию в развитии от других стран. На точечных участках — уровень поддержки удаётся, но в целом Россия не восстановила не то что производительные мощности СССР, но и РСФСР 1990 года.

При этом — территория огромна, ресурсы огромны, а желающих их использо-

Преобразование мира — можно решать только через понимание абсолюта как Человека. Разумеется — в антрополого-оптимистической трактовке, согласно которой сущность Человека является творчеством и созидание, а не эгоизм и гедонистическое потребление.

Всей историей человеческого политического сознания был свойственен поиск лучшего, который смог реализовать только в Новое время, с утверждением веры в человека и его возможности. В полной мере эта вера в могущество человека утверждается только с развитием соответствующей естественнонаучной и социально-философской базы, при создании соответствующих социально-политических условий, что и произошло в России стол лет назад.

Было достигнуто единство социально-политического курса власти, общественных настроений и ожиданий, ярких впечатляющих образов целеполагания и целостности.

У социума родилось романтическое представление о собственной абсолютности, призванной изменить мир в соответствии с выявленным в нём идеалом. Пока это представление сохранялось, Советский Союз был лидером мирового развития. Когда ко второй половине 1950-х оно было замещено идеей благополучия и зажиточности, а идея Преобразования Мира была заменена идеей Сверхдержавности, СССР стал постепенно замедлять развитие, демобилизоваться, доведя свою демобилизацию до апогея к началу "лихих девяностых".

Среди прочего, почему КПСС утратила легитимность, а страна, которую она десятилетиями вела к победам, не вышла на баррикады под транспарантами "Партия или Смерть"? Потому что сама партия демобилизовалась. Более того, часть её руководства сама провозгласила курс на демобилизацию. А другая часть, интуитивно понимая порочность такого курса, — оказалась неспособна к мобилизации.

Для мобилизации нужен лидер, знающий цель и последовательности действий, способный взять на себя ответственность за всё, что берёт на свою совесть, нужен план действий и понимание объёма и возможности распределения ресурсов на те или иные цели каждого последующего этапа действий.

Для мобилизации необходимо ощущение социума, как свободного и всевластного в своих отношениях с миром, воспринимаемого как объект преобразования.

Мобилизация невозможна либо бесцельно, если социум рассматривает себя не как абсолют, а как начало, подчинённое иному началу: хоть концепту "Правового государства", хоть концепту "Божественного", — просто потому, что тогда это социум признаёт себя подвластным и ограниченным в своём креативном акте созидания.

Продуктивная проектная мобилизация нереализуема в обществе, которое наложено на себя удвоение этих ограничений, соединив идею Правового государства с идеей Божественного. Например, записала упоминание Бога в собственную Конституцию, оплошив и одно, и другое: идею Бога принизив до её утверждения в человеческом законе, а Конституцию, воплощение рационального-правового начала, переведя в плоскость трансцендентного.

То есть нельзя одновременно сохранять веру в Божественное как Абсолют и объявлять Абсолютом самого себя.

Верящий в Бога способен на подвиг сохранения и защиты своей веры и извне детерминированной данности, но не способен к подвигу ответа на вызов преобразовании мира.

То есть сегодняшняя Россия к мобилизации созидания не готова и не способна. Она не имеет целей создания Нового, не имеет проекта Будущего, не имеет элиты, готовой повести на созидание. И не имеет идеи о том Новом Мире, в котором хотела бы жить.

Но если она не сможет осуществить подобную созидательную мобилизацию — она погибнет.

Так что совершенно верно: "Мобилизация или смерть!"

Мобилизационный проект должен быть исключительно "моплионным" по срокам и радикально-революционным по содержанию. Сталин индустриализацию страны (т.е. мобилизационный проект в преддверии мировой войны) назвал "революцией сверху", начал её без долгой раскachi и сосредоточения средств, без формирования материальных резервов и людских ресурсов (когда закладывали ДнепроГЭС, Алексей Стаханов ещё батрачил в Орловской губернии). На мой взгляд, идеология изменения вектора экономического развития страны с "нефтянки" (блага, цены на "чёрное золото" упали, и нефтяные ресурсы уже не выглядят "неисчерпаемыми") на рост производящего сектора (автомобили, пассажирские самолёты, атомное оборудование, модернизация инфраструктуры, экологически чистая сельхозпродукция и т.д.) и создание "экономики знаний" — уже заложена в майских Указах Президента 2018 г. и в 12 "национальных проектах". Неизбежный распад рынков уже к грядущей зиме не оставит выбора нашей стране — она будет вынуждена сосредоточиться на внутреннем производстве и потреблении. Главным условием успешной реализации мобилизационного проекта должна стать "революция в умах" — идеологическая составляющая мобилизационного проекта. На мой взгляд, сделать нового человека, точнее, из "трамтового потребителя" сформировать патриота, творца и созидателя — задача более сложная, чем строительство новой индустрии. Ведь необходимо убедить целые поколения, родившиеся в эпоху распада и дележа собственности, что расцвет страны и жизненный успех равновесны, что власть и государство существуют не сами по себе, а для народа, что российская нация — это общность людей, одинаково любящих свой этнос и общее государство, что мечтать, творить и созидать — долг, обязанность и потребность, а отнимать, делить, захватывать — предмет уголовного разбирательства.

Обретение российским народом исторического сознания, грамотно структурированного и логичного, по крайней мере, связанного и цельного, направленного на преумножение, а не на оскудение, на возвышенное, а не на низменное и убогое, на развитие духовного, а не на потребление материального, — может стать той самой Русской Мечтой: не мифом, а спасительной национальной идеей.

Представляется, что Изборский клуб со своей Русской Мечтой может стать идеологическим центром российской государственности, духовного обновления российской нации, модернизации её экономики. Основные параметры намечающегося процесса реализации мобилизационного проекта во многом совпадают с критериями реформации России, предлагаемыми экспертами и членами Изборского клуба, и целями Русской Мечты, провозглашённой его создателем и руководителем. Для превращения мобилизационного проекта из политического манифеста в реальную стратегию российской модернизации, обеспечивающей возрождение величия и мощи Российской государства, клуб обречён на обретение нового статуса и преобразование в Изборское движение. Это позволит не только расширить социальную базу реформации Российского государства в духе обретения им жизнеустойчивости и величия, но и сделать Русскую Мечту мировоззрением российской нации.